

ЕВГЕНИЙ ЗУБАРЕВ, ИГОРЬ ПЕТРАШЕВИЧ

35mm

Ф 72mm

НАШ ЧЕЛОВЕК В КИЕВЕ

Наши люди

Евгений Зубарев

Наш человек в Киеве

«Алисторус»

2019

УДК 32.019.5
ББК 66.4

Зубарев Е.

Наш человек в Киеве / Е. Зубарев — «Алисторус»,
2019 — (Наши люди)

ISBN 978-5-907211-76-6

Работа российского журналиста на Украине трудней и опасней, чем в зоне боевых действий. Заранее не знаешь, когда покалечат националисты или власти решат «посадить». Предшественнику героя этой книги «повезло». Его лишь жестко депортировали из страны: «челюсть гуманитарно сломали при задержании, по почкам прошлись демократично. И еще два ребра у него вроде бы треснули, но это не точно...». Сможет ли «наш человек в Киеве» выполнить свой профессиональный долг журналиста и благополучно вернуться в Россию? Впервые, честный и правдивый рассказ тех, кто прошел через все это.

УДК 32.019.5

ББК 66.4

ISBN 978-5-907211-76-6

© Зубарев Е., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Зубарев, Игорь Петрашевич
«Наш человек в Киеве»
Документальная повесть

© Зубарев Е., 2019

© Петрашевич И., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Глава первая

0

Видео • 9:45 8 Февраля 2016 / Обновлено: 9:47 08 Февраля 2016

vk

0

f

0

Убей россиянина: промывание мозгов юным киевлянам попало на видео

-2 785 0 Оставить комментарий

Почему я? Почему в феврале? Почему вообще туда нужно лететь из Петербурга? Почему не нанять местных? Там что, все умерли?

– Да, там все умерли. Ты фильмы про зомби видел? Вот там все точно такие сейчас ходят, именно что как зомби. Одно отличие – зомби обычно молча мозг тебе выедают, а эти в процессе еще кричат про то, что Америка с ними, и что Евросоюз их одобряет...

Директор смотрел на меня с плохо скрываемым раздражением и поминутно бросал нервный взгляд на часы.

– Палыч, двойной гонорар плюс командировочные. Соглашайся. И не говори мне, что ты боишься.

– Вообще-то, я не боюсь, – соврал я. – Просто хочу точно знать, ради чего рискую...

На самом деле, я даже не набивал себе цену – я лишь хотел услышать от первоисточника, что конкретно меня ждет. Вариантов предполагалось несколько, но все были какие-то безрадостные.

– Если меня примут, что будет: тюрьма или просто высылка?

– Тюрьма только для аборигенов, у кого гражданство местное. Пока, во всяком случае. Птицина¹ вот всего лишь выслали в Россию неделю назад, правда, довольно жестко, – осторожно подбирая слова, сообщил директор. – Но ничего уголовного не предъявляли.

– Избили, изувечили, издевались -, или обошлось? – так же осторожно подбирая слова, спросил я.

– С Птициным? Ну, челюсть гуманитарно сломали при задержании, по почкам прошлись демократично. И еще два ребра у него вроде бы треснули, но это не точно...

Мы оба помолчали, думая каждый о своем.

– Но мы оплачиваем лечение и протезирование, – вдруг торопливо добавил директор.

Я рефлекторно потрогал свою челюсть. Терять ей, конечно, после трех переломов за последние четыре года было уже нечего, но ведь каждый раз больно же. И, кстати, там у меня минус два зуба спереди, которые я все никак не вставлю вот уже полгода.

Директор снова посмотрел на часы, потом коротко вздохнул:

– Еще премии обещаю – по итогам каждого месяца, сколько продержишься там. Пятьдесят процентов плюсом к обычным расценкам.

– Ладно, я готов. Чего не сделаешь ради торжества тоталитаризма. Когда вылетать?

¹ Вообще-то обычно – Птицын

– Сегодня. У тебя самолет через четыре часа, вообще-то. Билеты заказаны, получи их в отделе кадров, у Танечки.

Вот так у нас дела делаются, ага. К чему был весь этот душещипательный разговор, если директор все решил за меня, причем за пару часов до того, как я вошел к нему в кабинет?

Дома я не сильно задержался – дежурный чемоданчик всегда под кроватью. Запасные аккумуляторы, камера, штатив, носки, документы, наличные.

Смартфон я вычистил, пока ехал на такси в аэропорт. Чистка требовала внимания и сосредоточенности – сейчас столько дурацких приложений, что норовят записать всю твою жизнь поминутно. А зачем тайной политической полиции нашего бывшего братского народа знать, к примеру, где и с кем я провел вчерашний вечер?

Заказ гостиницы тоже оказался несложным делом – это все я сделал в аэропорту, выбрав отель поближе к центру Киева, поскольку именно там происходят все интересующие нас события.

Надо сказать, цены на номера меня удивили: – я был уверен, что так безбожно обдирают туристов только в Москве да Петербурге -, но нет, глядите, соседи из списка независимых от всего на свете республик уже подтягиваются.

В накопителе аэропорта у меня было время подумать, что я буду говорить по прилете у пограничникам в Жулянах. Почитав, что пишут в Сети, я понял, как мне повезло – Танечка заказала рейс именно в маленький и старый киевский аэропорт в Жулянах. Он расположен в черте города и славится спокойным отношением пограничников к приезжим. А вот большой и сравнительно новый аэропорт «Борисполь», напротив, был известен дикими выходками персонала по отношению к русским. Если, конечно, верить комментариям безвинно пострадавших, которые они потом публиковали в Сети жертвы произвола.

Один из таких комментариев жертвы украинской демократии я даже сохранил себе в телефон, рассчитывая использовать в публикации.

«Меня зовут Михаил, я из Краснодара. Я ездил в Киев осенью, получилось неудачно и даже оскорбительно. Итак, рассказываю, как было дело.

Прилетел я в «„Борисполь“». Украинский пограничник взял мой российский паспорт, небрежно полистал его, а потом вдруг спросил:

– Чей Крым?

Я промолчал – читать лекцию про народное волеизъявление смысла не было. Тогда пограничник начал возить моим раскрытым паспортом по поролоновой подушке с чернилами, пока на месте фотографии и моего имени не образовалась сплошная синяя клякса. После этого он вернул мне паспорт со словами:

– Москалям нечего делать в приличной стране...

Вот так меня не пропустили через границу. И я еще почти сутки ждал обратный самолет в Россию.

А еще при проверке багажа украинские таможенники специально сломали мою скрипку, с которой я должен был выступать в Киевской консерватории. Они там, внутри скрипки, искали наркотики, при этом очень веселились, приговаривая:

– Ах, не смешите наши пейсы...

У меня вопрос ко всем пользователям на этом европейском форуме: скажите мне, пожалуйста, – на Украине, что, совсем уже умом тронулись? Или это лично мне просто так не повезло?».

...Наверное, Михаилу из Краснодара действительно не повезло. На Украине националистическая идеология государственной не объявлялась. О превосходстве украинцев над рус-

скими, цыганами и евреями, если и говорится, то только в частных небольших СМИ – на каналах телевидения и на официальных порталах в Сети пока стесняются.

Российские пограничники в Пулково и, тем более, белорусские в Минске мною не заинтересовались, хотя по поводу наших я тоже немного волновался – пара забытых и потому не оплаченных автомобильных штрафов всегда всплывает в самый неподходящий момент. Но обошлось.

Усевшись в кресло самолета, я оценил летевшую со мной в Киев публику. На три четверти это были мужики с обветренными мрачными физиономиями. Надо думать, украинцы – гастарбайтеры: это было ясно по медным загорелым лицам и рукам, простой одежде, грубым прическам под горшок. Конечно, я легко мог бы изобразить кого-нибудь из них, но для этого, как минимум, был нужен украинский паспорт.

В голливудском блокбастере мой персонаж непринужденно отобрал бы паспорт у работяги и прошел границу без проблем. В моей суровой реальности мне нужно было думать о том, как пересечь границу с рязанской мордой и русским паспортом в руках.

Соседи вполголоса переговаривались между собой с интонациями старух 90-х годов, у подъезда рассказывавших друг другу истории про бесчинства банды в их районе.

– Его завернули, прикинь!

– Да ты шо?

– Паспорт еще порвали, а обрывки в унитаза спустили.

– Какой паспорт, русский?

– Нет, у него два было. Украинский порвали. Сказали, вали в свой Крым, ты теперь русский оккупант.

– А он?

– А он рад был, что хоть один паспорт оставили. Прикинь, в его положении -, и вообще без документов остаться!

– Мрак. Я бы этого погранца, да рожей об стойку...

– Ну и сел бы как террорист...

Мои соседи в салоне самолета оказались лицами с двойным гражданством – простыми, но предприимчивыми людьми, которые для удобства зарабатывания на хлеб насущный получили гражданство и России, и Украины. Но и предприимчивость иногда выходит боком. Никого не трогает то обстоятельство, что два паспорта у тебя – исключительно в целях заработка.

Поразительно, как легко развалилась интернациональная советская империя, как быстро и жестко мечтательных интернационалистов превратили в отвратительных шовинистов. И никто не сказал обманутым и униженным людям из полыхающих окраин хотя бы «простите». Горбачев вон до сих пор искренне удивляется, за что его ненавидят на одной шестой части суши.

Но моих попутчиков макро – исторические процессы, судя по всему, интересовали мало, по большей части, разговоры крутились вокруг рублей и квадратных метров. Хотя – не без налета политэкономии.

– ... У москалей богато сейчас, – донеслось сзади. – Я весь этот сезон в Подмоскowie плитку клал на двух объектах. Так эту плитку самолетами возили, прямо из Италии.

– Да, москальки в три горла жрут. Никак не подавятся...

Самолет пошел на посадку, а я так ничего и не придумал. Подумалось, что я совершенно точно не пройду пограничный контроль. Был бы я украинским пограничником – сам себя не пропустил бы. Жрущий в три горла москалик не должен топтать святую киевскую землю.

«Боинг» чуть покряхтел перед посадкой, попав в турбулентность, и я вдруг понял, что все эти геополитические хлопоты совсем убили во мне аэрофобию, которой я, конечно, стра-

дал, как любой разумный организм. Но сейчас я боялся не вероятной авиакатастрофы, а конкретных мужиков в зеленых фуражках.

Самолет сел безупречно- штатно, и нас тут же выпустили по трапам прямо на летное поле. Я уж подумал, что простой сельский быт западной Украины пустил корни даже в столичном аэропорту, и до здания аэровокзала мы пойдем пешком по бетонке. Но нет, минут через десять, за которые я успел окоченеть на февральском ветерке, подъехал выдавший виды автобус, а следом – еще два, таких же потертых.

Я сел в последний автобус, цепляясь за каждый возможный шанс. Например, утомленный большой группой людей пограничник – это тоже вполне себе возможность.

Серое одноэтажное здание аэровокзала, похоже, не отапливалось вовсе. Я встал в хвост очереди и получил возможность понаблюдать за пограничниками.

Каждый из них сидел в одной из десяти будок, выстроенных в линию. Восемь оказались заняты мужчинами, две – женщинами.

К женщинам я сразу решил не идти – черт разберет, что у них там в голове, когда они на гражданской работе, а уж когда в форме, это вообще инопланетяне.

Почти все пассажиры держали в руках синие украинские паспорта. Предупредительным красным семафором горел только мой российский паспорт и еще три аналогичных у мамы с двумя школьниками сразу впереди меня.

Из восьми пограничников – мужиков в шеренге пропускных будок только один выглядел самым расслабленным – он совершал плавные, даже какие-то закругленные движения руками, будто танцевал, при этом жевал резинку и рассеянно, но по-доброму всем улыбался.

Настала моя очередь идти за красную черту, и я нерешительно поплелся к застекленной будке.

У таможенника было гладкое округлое лицо, выражающее самые добрые чувства. Он был почтительно-приветлив и благожелателен. Однако, когда я выложил перед ним на стойку свой паспорт, вся его расслабленность куда-то пропала – он даже резинку выплюнул в салфетку, с откровенной враждебностью взглянув на меня.

– Цель поездки?

– Туризм, – неожиданно для себя брякнул я.

Пограничник поднял вверх кустистые черные брови:

– Туризм? В Киев? В феврале? Придумайте что-нибудь пооригинальнее, гражданин...

Он повернулся налево, куда не поворачивался ни разу, пока я за ним наблюдал в очереди, и достал здоровенный деревянный штамп.

Я шумно вздохнул и показал ему на свой рот:

– Медицинский туризм. Зубы еду к вам делать. Зубы! У вас когда-нибудь болели зубы?! У меня уже год как не проходят.

Пограничник положил штамп на стол и с интересом взглянул на меня. Я подумал, что если вдруг придется открывать рот, легенда подтвердится дыркой в челюсти от отсутствующих зубов.

– А почему в Киев-то, шо не дома? – с подозрением поинтересовался он.

– У вас в пять раз дешевле. Наши стоматологи зажрались совсем. Пять тысяч долларов за зуб требуют.

– Пять тысяч?! Тогда за два своих зуба ты у нас сможешь квартиру купить.

– Да мне не до квартиры, поверьте. Зубы надо делать, понимаете?

Он с минуту смотрел на меня, потом вдруг положил страшный штамп обратно в левый угол и повернулся направо, за правильным штампом.

– Удачного лечения, – сказал он, возвращая паспорт. Хотя по лицу было видно, что в полной мере веры мне нет все равно.

Я благодарно улыбнулся ему во все свои оставшиеся зубы и почти побежал к выходу.

Таксист, молодой армянин на стареньком «Опеле», узнав, что я из России, завел осторожный разговор о том, как же это плохо, что испортились отношения между Россией и Украиной. Потом последовали дежурные слова о том, что простому народу весь этот февральский переворот был не нужен.

– А кому переворот был нужен?

– Наверное, всем этим мордам в телевизоре.

Через двадцать минут он высадил меня у «Гостевого дома на Бессарабке» на улице Кропивницкого, дом 14. Эта поездка обошлась мне всего в пять долларов, причем я даже не торговался. На прощание дал таксисту сверх пятерки баксов еще сто рублей, просто так, и он взял их с благодарностью, а не презрением, как взяли бы в нашей столице. «Брату передам, он в Москве халтурит».

Я вышел из машины, не с первого раза захлопнув дверь – каждый раз при расставании с таксистом дилемма: то ли ударить дверью посильнее, чтоб закрылась наверняка, то ли сделать это деликатнее, чтобы нервы водителя не пострадали.

Я взял чемодан и пошел к освещенной уличным фонарем табличке «Улица Кропивницкого, дом 14».

Под ноги мне вдруг бросилось невнятное, большое и очень лохматое существо. Когда я запнулся об него первый раз, то я понял, что оно еще и мягкое. Когда споткнулся об него еще два раза подряд, понял, что существо меня запомнило.

– Бандера! Бандера! Куда ты, скотиняка! Ах ты ж, дрянь подзаборная, – мимо меня по тротуару быстро пробежала озабоченная женщина.

Я не стал закладывать скотиняку, затаившуюся за моим чемоданом. Вид у дворняги угадывался виноватый, но когда я протянул руку, чтобы погладить – приободрить, она резко отпрянула в сторону и скрылась в кустах неподалеку. Под мордой у нее я успел заметить небольшую банку с еле угадываемыми надписями, на кудрях болтались патриотичные желтосиние ленты. А еще мне показалась, что в зубах она держала банкноту.

«Приличный отель», как утверждалось в Сети, оказался замаскирован под обычную хрущевку. На входе меня встретила мощная железная дверь. В полумраке угадывались какие-то вздорные опознавательные знаки, старательно намекающие на платное проживание.

Я позвонил в звонок. Открыла заспанная женщина. Она, ничего не спрашивая, провела меня по коридору, распахнула дверь моей комнаты и тут же ушла в неведомое. Я успел пробормотать «спасибо» и «до свидания».

Мой «отель» возле Бессарабской площади, который я заказал еще в Пулково за пятьсот гривен в сутки, оказался пошлым хостелом. И это за такие деньги! Впрочем, сразу я не стал ругаться, потому что ругаться было неохота, да и не с кем, честно говоря.

Бросив вещи в небольшой полуподвальной комнате с единственным окном, я собрался было поспать на кровати, занимавшей добрую половину комнаты, но тут, конечно, позвонил директор моего родного новостного агентства.

Разговор оказался коротким, но содержательным.

– Молодец, что прошел пограничников, нам с тобой здорово повезло. Первый материал нам нужен уже сегодня, он нужен позарез. Так что бросай шмотки и сразу иди снимать что угодно. Срочно. Нам нужен украинский читатель! И ты его нам приведешь...

Я бросил вещи в комнате, взял камеру и пошел снимать что угодно.

После Петербурга вечерние киевские улицы показались мне необычайно темными. Я некоторое время шел наугад, косясь на редких прохожих, прошел насквозь уже закрытый Бессарабский рынок и вышел на Крещатик. Широкий проспект оказался перекрытым для транс-

порта – там стояла большая разборная сцена, а перед сценой толпилось несколько десятков юношей и девушек в нетрезвом и веселом ожидании праздника.

– А кто тут у нас такой скучный?! А кто тут у нас не скачет?! Кто не двигается под музыку, тот – кто?! – заорал вдруг мегафон мне прямо в ухо.

В полумраке желтых фонарей, включенных даже здесь, на центральном проспекте Киева, вполнекала, я разглядел упитанного мужика в камуфляжной куртке и при этом в розовой шапочке, с микрофоном в руках. Он гавкал на всех в мегафон, укоряя за малоподвижность.

– Мы любим Украину? Да!?! Да! Не слышу!

– Да!!

– Кто с нами не двигается под музыку, тот есть кто? Тот приехал откуда?

– Откуда?

– Тот приехал с Востока! Значит, кто с нами не двигается под музыку, тот нам кто? Кто? Да тут есть киевляне, украинцы есть?!

– Есть!

– Кто с нами не двигается под музыку, тот москаль! А москаль кто?

– Враг!

– Молодцы! Поехали дальше!

Публика – в основном, девушки-подростки – на все вопросы и реплики отвечали задорным смехом. Даже когда они кричали про «врагов» и «москалей», они хихикали. А когда со сцены врубили, наконец, музыку, толпа подростков и в самом деле начала скакать, скандируя: «Кто не скачет, тот москаль!».

Помнится, когда директор напутствовал меня в эту командировку, он много чего говорил, в том числе и про подобную идеологическую накачку, но мне, честно говоря, не очень в это верилось. Но вот, поди ж ты, в самом деле скачут, да ведь как задорно.

– Ты почему не скачешь?!

Вопрос был адресован все тем же затейником персонально мне. Я было отмахнулся, но он вовсе не шутил:

– Кто не скачет, тот москаль! Надо скакать!...

Девушки вокруг меня принялись скакать с удвоенной энергией, потом одна, в футболке² с надписью «Патриотический дансинг», схватила меня за руку и попыталась втащить в толпу перед сценой.

– Нужно танцевать, скакать, нужно весело двигаться! Ну что же вы стоите, так нельзя, как вы не понимаете!

Я неуклюже потоптался на месте, и она разочарованно замерла рядом со мной.

– Почему вы не танцуете? Вы откуда к нам приехали?

– Из Минска, – честно признался я, не уточняя исходную точку своего путешествия.

– Ну вот, хороший город Минск, а вы его позорите. Надо танцевать! Вы просто не знаете, как у нас тут весело, и ни о чём не надо думать.

У меня вдруг что-то щелкнуло в голове, и я уточнил у нее, перекрикивая музыку:

– Нужно, чтобы было весело, и ни о чем не надо было думать?!

– Ну конечно, именно так! – согласилась она и принялась танцевать вокруг меня, ритмично двигая толстыми бедрами. Она была совсем не в моем вкусе – коренастая, скуластая, коротко стриженная. Я все так же неловко потоптался еще немного на месте, но ей быстро надоело меня уговаривать, и она переключилась на зрителей рядом.

– Что стоим? Все танцуем! Кто не скачет?

– Тот москаль!

---

² В феврале?

- Слава Украине!
- Героям слава!

Я осторожно отошел в сторонку, к стене массивного сталинского здания. На табличке в свете разноцветных фонарей от сцены читалась надпись: «Київська міська державна адміністрація». Красный – синий – зеленый, красный – синий – зеленый. Не так я представлял себе дрожку, когда читал про все это лет двадцать назад.

Рядом со мной чиркнули спичкой, пахло табаком, потом вдруг стихла музыка, и я услышал ироничный вопрос:

- Чому не танцуем?

Спрашивал рослый мужик в камуфляже, и я решил, что он тоже из организаторов, но тот быстро объяснился слегка заплетающимся языком:

- Скажи, дебилы?

Я на всякий случай промолчал, но он продолжил, упрямо мотая головой, как будто я с ним спорил.

- Да дебилы же!

- Ну, есть немного, – осторожно согласился я.

– Вот, а я о чем говорю! – обрадовался он. – Я в Польше четыре года как живу, нормально там всё у меня, квартира, машина, работа. Уехал отсюда, понимаешь. В Киев приезжаю, могилки там проведать родительские, друзья еще остались кое-какие. Но вот уже не хочется приезжать, понимаешь? – начал всерьез объяснять мне он свои резоны, но тут снова грянула музыка.

Он махнул рукой, с нехорошим прищуром вглядываясь в танцующих перед собой подростков. Когда снова случился перерыв, он быстро повернулся ко мне, будто проверяя, не убежал ли я:

- Пошли, брат, выпьем. Я – Иван, столяр, – протянул он мне широкую ладонь.

Я немного поразмыслил и согласился.

– Пошли, пошли, брат, – обрадовался он. – Ты же русский человек! А какой русский человек после такого безобразия не должен выпить?! Не должен – обязан!

Глава вторая

0
Украина • 13:33 10 Февраля 2016 / Обновлено: 21:31 10 Февраля 2016

0
❤️

vk
0

f
0

**Киевский депутат про русский язык:
Нужно запретить язык быдла**

-4 122 0 0 Оставить комментарий

Явившись поздним вечером в хостел после съемок странного действия на Крещатике и пары-тройки дринок с Иваном, я решил все же таки поругаться с местной администрацией: – ну ведь это же очевидный обман – предлагать жалкий хостел под видом приличного отеля.

Но потом размяк, сидя на кровати, и слегка подуспокоился.

В конце концов, комната была у меня отдельной, в ней имелся душ и туалет, а то, что в коридоре отсвечивало еще примерно десять таких комнат, меня никак не задевало – они все оказались пустыми, двери в них были приоткрыты, и в темноте виднелись лишь аккуратно заправленные кровати. Я был единственным обитателем этого заведения.

Да, еще в моей комнате имелся телевизор. Он был старым, квадратным, большим, но, судя по горящим диодам под надписью «сеть», работал.

Я встал с кровати, нашел на подоконнике пульт и нажал на кнопку «вкл».

– ... геть всех москалей! Никакой пощады врагам украинского народа!...

На экране бесновался местный фюрер – худощавый брюнет в вышиванке ругался и плевался в меня с экрана почему-то на фоне географической карты с данными температуры и белесыми циклонами.

Я послушал его с минуту и осознал, что это действительно прогноз погоды, просто каждые два-три сообщения о погоде в конкретных областях Украины ведущий перемежает парой предложений о необходимости борьбы с сепаратизмом и москалями.

– На окупованих територіях немає снігу. Ще там немає води, немає продовольства. Діти сепаратистів сидять голодні в підвалах, їх школи зруйновані. Там немає порядку і цивілізації, там панує російський мір, що рушит все живе...

Говорил этот синоптический фюрер как бы на украинском, но по построению фраз и подбору слов было ясно, что речь идет об исковерканном русском языке – мне все слова в его злорадной речи были понятны без перевода. Он откровенно радовался тому обстоятельству, что после очередных артиллерийских обстрелов со стороны украинской армии мирные жители русскоязычных регионов Украины прячутся в подвалах вместе с детьми.

Стало грустно – почти так же, как в самолете полдня назад, или как час назад на Крещатике, или полчаса назад в кафе с Иваном.

С точки зрения аборигенов я был типичный москаль – говорю по-русски, бандеровцев и прочих нацистов на дух не переношу, да и в принципе от национальной политики меня подташнивает. А местная публика, как я уже успел заметить, напротив, обожает поговорить на эти темы и использует любой повод.

Возвращаясь с Крещатика, я зашел в ночной магазин купить плюшек да чая. Продавщица рассмотрела мою банковскую карту – она была, разумеется, оформлена на русском языке, там имелись слова «Санкт-Петербург» и прочие улики.

– Та вы шо, с России к нам приехали? – всплеснула она толстыми ручками.

– Ну да, из России, – признался я осторожно.

– Политический эмигрант, наверное? Бежали от Путина? – подсказала она мне самую убедительную версию.

– Э-э, вроде так, да, – на всякий случай согласился я.

– Ах, как же вы там, бедные, живете, – снова всплеснула она руками. – Ведь у вас же все запретили, даже мясо и сыр!

– Почему все запретили?

– По телевизору показывали: Путин запретил ввозить в Россию продукты, санкции на нас наложил. А своего-то у вас нет ничего. Бедный ты сынку, – пожалела она меня. – У меня сало отборное, бери, недорого, очень вкусное. А вот сыр, смотри, в России такой не продают. А еще солонина... – Я я едва успел остановить ее, пока она выкладывала на прилавок свой санкционный товар.

Купить, конечно, в итоге пришлось намного больше, чем я рассчитывал, иначе она меня не поняла бы.

И вот сейчас я резал сало тонкими ломтиками (действительно, вкусное), сверху накладывал сыр (оказался российским, производства какого-то белгородского совхоза) и думал о том, что финал моей миссии здесь совершенно очевиден – меня сцапает СБУ или другая политическая полиция в ближайшие пару дней. Уж больно я выделяюсь среди местных истинных арийцев.

По телевизору закончился прогноз погоды, и тут же, даже без прокладки в виде рекламы, началось какое-то политическое шоу. Несколько мужчин, наряженные, естественно, в национальные костюмы, то есть буквально в шаровары и вышиванки, начали одновременно кричать друг на друга. Я разобрал слова «москаль» и «Путин», все остальное было нечленораздельно, хотя русские слова и проскакивали. Но потом ведущий злобно гавкнул на них на украинском языке, и они послушно затихли.

Затем под титром «Юрий Сиротюк, партия «„Свобода“» пухленький мужичок в истрепанной жизнью вышиванке и таких же потертых шароварах с растянутыми коленками вдруг произнес очень внятную речь, глядя с экрана мне прямо в глаза:

– Всякая мразь, что говорит и думает по-русски, должна быть физически уничтожена. Я это говорил еще десять лет назад, в 2006 году, я это повторяю и сейчас. Слышишь меня ты, русская мразь? Ты будешь уничтожена повсюду, не только в Украине, а всюду в мире!...

Я выключил телевизор. Интересно получается, подумалось мне. Украинский национализм многие сочувствующие оправдывают тем, что он будто бы возник после крымских событий, когда жители полуострова проголосовали на референдуме за бегство с Украины подальше от националистов. Но вот же человек вам в лицо признается, что призывал убивать русских на Украине еще десять лет назад. Сам признается, без принуждения. И таких упоротых, как этот тип, здесь, на Украине, вырастили десятки, если не сотни тысяч. Значит, если бы крымчане не освободились из смертельных киевских объятий, гореть им сейчас, как горели русские граждане Украины в Одессе два года назад, в ходе переворота, или русские под обстрелами гаубиц в Донецке и Луганске.

Моя бабушка, пережившая Холокост в белорусском поселке, сожженном дочиста представителями одной известной европейской цивилизации, сказала мне бессмертные слова, которые надо бы высечь в граните: «Милый мой внучок, попробуй понимать жизнь так, как она

есть, ничего за других не додумывая. Жизнь на самом деле проще, чем ты думаешь. Поэтому, если кто-то когда-нибудь будет говорить, что хочет убить тебя и твоих друзей, – поверь ему сразу. Не ищи объяснений, почему на самом деле тот человек имеет в виду совсем другое. И пусть твои друзья не рассказывают друг другу, что это просто какая-то ненастоящая политика, или игры, или какое-то недопонимание разных мировых культур. Нет! Если некие люди говорят вам, что хотят убить вас, вам надо верить этим людям. Просто поверьте! Сразу».

Я проснулся от назойливого пиликания будильника в телефоне и довольно долго соображал, как так получилось, что я сплю, одетый, на кровати в какой-то маленькой темной подвальной комнатушке.

Потом я быстро умылся, переоделся и, вернувшись к кровати, открыл ноутбук. Директор вчера вечером убедительно просил присылать по материалу ежедневно, но где здесь набрать интересных событий на каждый день, я еще не понимал.

Впрочем, в Сети все варианты на это утро нашлись довольно быстро. У меня даже оказался выбор между акцией ларечников в защиту малого бизнеса и маршем жертв русской агрессии. Но потом, покопавшись среди прочих анонсов, я увидел замечательное объявление:

«В помещении Киевского городского дома учителя (ул. Владимирская, дом 57) пройдет массовое мероприятие с участием официальных лиц – депутатов всех уровней, чиновников, а также местной элиты. Будут руководитель фракции ВО «„Свобода“» в Киевсовете Юрий Сиротюк, народный депутат Украины Андрей Ильенко, группа «Хореза казачья», kobзари Тарас Силенко, Василий Лютый, Святослав Силенко, лидер группы «„Тень Солнца“» Сергей Василюк и группа «PoliKarp» и другие».

Националисты в Доме учителя – что может быть познавательнее для примерных учеников? Я захлопнул ноутбук, взял камеру и, поразмыслив, еще и штатив. Он, конечно, неудобный и тяжелый, но знаем мы эти мероприятия с участием официальных лиц – пока все не выговорится, мероприятие не закончится, а руки у меня не казенные.

В дверях на улицу мне попала уборщица, она же администратор хостела – немолодая грузная женщина в линялом халате со шваброй и ведром в натруженных руках.

– Ох, молодой человек, здравствуйте. Хорошо, что я вас встретила. Вы ведь не уезжаете? – О о на подозрительно покосилась на штатив в чехле у меня за спиной и сумку с камерой в левой руке.

– Здравствуйте, вроде нет, еще не уезжаю.

– А когда уезжаете?

Меня удивила ее настойчивость, но я ответил максимально честно:

– Недели через две, наверное.

– Ах, значит, продлевать будете? Меня, между прочим, Аленой Григорьевной зовут, – обрадовалась она и поставила швабру с ведром на пол.

Я уж подумал, что она хочет денег за продление прямо сейчас, но она улыбнулась и торжественно сказала мне:

– Вы нам за три дня аванс переплатили, оказывается. Нужно меньше было платить. А если вы еще на две недели остаетесь, то мы еще меньше возьмем, скидка вам полагается. Вы же не съедете от нас?

До меня дошло, что меня тут любят как единственного клиента и не хотят терять. Разбежались клиенты-то после Революции Достоинства.

– Вообще, я думал съехать, поискать место подешевле, – мстительно признался я. – Но если вы дадите скидку...

– Дадим-дадим, вдвое ниже будет вам все – и проживание, и стирка, и уборка, и охрана, – затянула Алена Григорьевна перечисление своих платных услуг, но я прервал ее кивком.

– Я согласен, спасибо. Мне надо идти.

– А куда? – спросила она меня вдруг с какой-то сельской простотой.

Было ясно, что она хочет понять, кто я такой, и зачем приехал в Киев. Но ведь я так и не продумал нормальной легенды – версия с зубами мне вдруг показалась совсем неубедительной для этой чуткой, выдавшей вида женщины.

– Я – физик-ядерщик, приехал сюда по делу государственной важности, – вспомнил я свою вузовскую специальность.

– С нашими государственными людьми будете встречаться? – всплеснула она руками.

– Да, но это неофициально, – сообщил я с максимально суровым выражением лица.

– Вот я всегда говорила, что все эти ссоры между Россией и Украиной только для виду. А на самом деле мы сотрудничаем, правда ведь? Вы не подумайте на всех, я русская, дети мои русские, да мы тут все русские, нет у нас никакой злобы к русским, откуда, ведь мы сами русские... – затараторила она обрадованно, и я не стал ее ни в чем разубеждать, а просто пошел наверх по лесенке из этого темного полуподвала, помахав вниз на прощание свободной рукой.

Я дошел до первой попавшейся «Пузатой хаты» (сеть дешевых киевских столовых), и пока завтракал там, размышлял, не сваял ли я дурака со своей легендой. Пойдет ли Алена Григорьевна в местное гестапо сразу или немного подождет.

Допив компот, я пришел к выводу, что она сообщит обо мне только по истечении сроков моего проживания, то есть, как минимум, через две недели, иначе потеряет кучу денег. А никакое гестапо возмещать чужие убытки никогда не будет.

Выходя из столовой, я увидел у стены знакомую лохматую скотиняку. Рыжая дворняга, скорбно ссутулившись, сидела у дверей, положив грустную морду на банку с мелочью. Банка была привязана к лохматой груди желто-синими лентами, еще несколько таких ленточек украшали туловище пса в самых неожиданных местах от передних лап до хвоста.

На моих глазах сердобольная бабушка, выходя из столовой, потянулась к банке, бросив туда несколько монет. Дворняга не шелохнулась, только сделалась совсем несчастной, и тогда бабушка полезла в кошелек. Выудив оттуда несколько бумажек, она стала искать среди них самую мелкую, одногривенную, когда рыжая морда вдруг метнулась с места вертикально вверх, как кобра, цапнула в зубы несколько банкнот прямо из неловких морщинистых рук, после чего пулей понеслась по Крещатику, петляя между прохожих точь-в-точь как умная самонаводящаяся ракета уходит от ракет ПВО.

– Ах ты, гадина какая! – завопила потрясенная бабушка, бросившись вслед за дворнягой на удивление энергично, будто всю жизнь только и бегала за собаками, воруящими деньги.

– Стой, скотиняка! Держите ее, люди добрые! Держите ее!

Бабушка утряслась за собакой куда-то в сторону Майдана, а я неторопливо пошел в противоположную сторону, по дороге размышляя о вероятности встретить двух разных рыжих дворняг- – попрошаек в одном городе.

Дом учителя на улице Владимирской оказался типовым домом культуры, которых в Советском Союзе было по одному проекту понастроено несчитано от Одессы до Магадана.

Несмотря на ожидаемый официоз, мероприятие неожиданно привлекло огромное количество народу – уже на подходе к зданию во дворах клубились толпы чубатых хлопцев и тетеньки в распахнутых пуховиках – чтоб было видно вышиванку. Мелькали также граждане с гитарами, дудками и даже лютнями, насколько я мог опознать этот редкий музыкальный инструмент.

При входе в здание никто вопросов не задавал, но после гардероба я увидел посты охраны из добрых молодцев с чубами и дубинками наперевес возле каждой из дверей, ведущей в актовый зал.

Понаблюдав за ними с минуту, я понял, что молодцы не спрашивают документы или приглашения, но строго оценивают публику по внешнему виду. Так, длинноволосого юношу в обтягивающих джинсах и такой же приталенной кофточке, да еще в розовых очках и с тоннелями в каждой мочке, обозвали хипстером и прогнали переодеваться.

Я вытащил камеру из сумки, положил штатив на плечо, выпятил свою многострадальную челюсть вперед и пошел к ближайшей двери.

Молодцы безропотно расступились, а один даже придержал дверь, чтоб мне было удобно заходить в зал со штативом.

В зале на узкой площадке перед сценой уже выстроилась шеренга телекамер, и операторы оттуда смотрели на меня отнюдь не дружелюбно.

– Ты откуда тут взялся, людина? – с неожиданной злобой спросил меня ближайший коллега, огромного роста громила в красных шароварах, красно-белой вышиванке и с чубом размером с гребень динозавра. – Семь камер только аккредитовали, для тебя тут места нет, ты же видишь...

– Ну, парни, я втиснусь аккуратно, не помешаю, – с максимальным дружелюбием предложил я, осторожно расставляя штатив и навешивая на него камеру.

– «Парни», – передразнил меня мой чубатый собеседник. – Ты москаль, что ли?

– Почему москаль, я не москаль, я вовсе не москаль, – бормотал я вполголоса, как заклинание, продолжая установку и настройку камеры.

– Потому что правильно говорить «хлопцы». А «парни» говорят только москали.

Я решил теперь вообще помалкивать, но публика в зале собиралась долго, и операторы скучали.

– Ты на кого работаешь? – снова спросил меня все тот же разговорчивый громила.

Я было покрылся испариной, но потом до меня дошло, что вопрос невинный – меня всего лишь спрашивают, на какое издание я работаю.

– Болгарское радио «Авторевю», – отозвался я как можно более равнодушным голосом. Накануне я нашел в Сети единственную в Болгарии крупную радиостанцию, сайт которой закрылся на реконструкцию на полгода. Поэтому они вещали только в оффлайне, и мне показалось логичным нарисовать себе удостоверение с логотипами именно этой станции и со своим именем.

– А на хрена снимать видео для радиостанции? – снова удивился не в меру любопытный сосед.

– В радиопередачах заказчики ставят только звук, конечно. Ну, а вообще они еще и продают мое видео коллегам, кому оно требуется, – рассказал я свою легенду, слегка запинаясь.

– Херню ты какую-то несешь, – подытожил громила, разглядывая меня с нехорошим интересом.

– Почему?

– Потому что, чтобы писать нормально звук, ты сейчас должен отнести на сцену и в президиум по радиомикрофону, как минимум. Или прокинуть туда проводной микрофон. А ты тут пишешь с пятидесяти метров какое-то говно строго с «пушки» и думаешь, что я идиот, да?

– У меня украли весь звук, – со скорбной физиономией объяснил я. – Номер ночью обнесли, оставили только камеру, потому что я ее под подушкой хранил. – Придется заказчику брак отправлять, а что делать?

На мое счастье, на сцену вышли музыканты – близнецы моего соседа, потрясая губами и шароварами, заиграла громкая музыка, и разговаривать стало невозможно.

Музыканты сыграли сразу три украинских народных песни подряд, но публику в аудитории это ничуть не утомило. Напротив, многие зрители вставали с мест и бешено аплодировали после каждой песни, то ли выпрашивая повторное исполнение, то ли демонстрируя патриотизм.

Потом к трибуне вышел Юрий Сиротюк. Я узнал скандального депутата из телевизора, хотя сейчас, в отличие от своего телевизионного образа, он был одет цивильно – джинсы, пиджак, обычная сорочка без патриотической раскраски. Но этот свой скромный вид депутат тут же компенсировал необычайно агрессивной речью:

– Я не понимаю, как на втором году войны кацапоязычное быдло ходит тут и разговаривает по-русски. Я не понимаю, как может «вата» говорить: «Давайте перейдем на русский». И мы победим Путина? Эта война – за украинскую политику. Пока мы не станем разговаривать на своей земле только на мове, пока будем вести себя как диаспора, пока будем позволять лишним – неважно, какие они, Аваков или Саакашвили – руководить на нашей земле, порядка, мира и справедливости не будет. Надеюсь, что мы выиграем две эти войны – войну за отвоевание украинцами Украины и... Слава Украине!...

Музыканты на эмоциях вскочили со своих стульев и начали стоя играть на лютнях и гитарах что-то бравурное, маршевое, отчетливо напоминающее *Wenn die Soldaten*.

– Україна первише всього! – заорали музыканты со сцены, и этот клич слился в могучее: «Слава!», которое, в свою очередь, преобразилось в звонкое «Хайль!», эхом прокатившееся по залу от стены до стены.

Скажи я хоть слово по-русски, меня бы немедленно, думаю, забили бы этими самыми лютнями и гитарами.

Я не стал дожидаться перерыва, выключил камеру, быстро сложил штатив и удалился прочь, с максимально озабоченным видом поглядывая на часы.

Глава третья

0 Видео • 18:00 15 Февраля 2016 / Обновлено: 18:04 15 Февраля 2016

0

Кличко: У нас денег нет, ничего нет, это банкротство

0

4 121 0 Оставить комментарий

Посещение Дома учителя мне очень не понравилось. Было ясно, что я совершаю ошибку за ошибкой, и все это кончится быстрее, чем я предполагаю. Не видать Алене Григорьевне моих денег даже за две недели, если я тут буду так глупо ошибаться.

Для начала мне следовало действительно купить выносной микрофон – ведь если я работаю для радио, хоть бы и болгарского, хороший звук для меня должен быть обязателен.

Но даже эта задача оказалась непростой – среди множества специализированных магазинов, торгующих в Киеве подобной техникой, две трети оказались закрыты. На витринах у них висели разнообразной формы, но одинакового содержания таблички: «Аренда».

Наконец, в каком-то крупном торговом центре я нашел приличный радиомикрофон, но он стоил совершенно безумных денег, которые я был не готов платить даже ради такого важного дела, как убедительная легенда. Кончилось все тем, что я купил двадцатиметровый шнур и обычный микрофон на подставке. На подставку для микрофона с двух сторон наклеил распечатанные загодя логотипы радио «Авторевю», еще один лого приспособил на саму камеру. С учетом удостоверения на болгарском и английском языках, висевшего у меня на шее, я теперь ничуть не напоминал ненавистного аборигенам москаля, и это меня немного успокаивало.

Все время, пока я бродил по киевским магазинам, мне не давала покоя одна мысль. Как так может быть, что подавляющее большинство простых людей в частных разговорах со мной убедительно говорят о том, что не хотят разрыва с Россией, но при этом политики, которых эти люди, якобы, выбрали, яростно требуют не просто разрыва отношений, а полноценной войны с Россией?

Это выглядело какой-то шизофренией, раздвоением национального сознания. Добавляло красок в эту шизофрению и другое обстоятельство – по телевизору и на официальных мероприятиях все говорили строго на украинском языке или на суржике. При этом в частных беседах повсюду – на работе, в магазине, в кафе – все без исключения говорили на русском.

Это был какой-то театр, где все актеры старательно играли свои роли, но перед кем они так старались, я еще не понимал.

В конце концов, любопытство взяло вверх над осторожностью, и я решил провести опрос на эту тему прямо на улицах Киева. Кроме того, я бы уверен, что такой опрос станет хитом в Рунете, и директор агентства хотя бы на время перестанет упрекать меня в тунеядстве и разгильдяйстве.

Я вернулся на Крещатик, установил штатив и поставил камеру так, чтобы в кадре был виден Майдан и разные узнаваемые киевские здания. Размотал свежкупленный провод, взял микрофон с болгарскими наклейками и, бодро улыбаясь, отважно шагнул в сторону первого

своего в Киеве респондента – симпатичной молодой девушки. Она неспешно вышагивала своими длинными ногами мимо витрин и всем своим видом показывала, что свободного времени у нее просто завались.

– Добрый день, вас беспокоит болгарское радио «Авторевю». Не ответите нам на такой вопрос: как вы считаете, нужно ли Украине восстанавливать нормальные отношения с Россией? И если да, почему ваши политики считают иначе?

Девушка поначалу ответила мне на улыбку, но, вслушавшись в вопрос, вдруг отскочила от меня, как от прокаженного.

– Я с москалями на такие темы не разговариваю! – обойдя широким полукругом мой штатив с камерой, она быстро зашагала прочь. Вот так заторопилась вся сразу.

Я смотрел ей вслед с изумлением, не понимая, что во мне вызвало такую реакцию. Да, с зубами у меня не очень, улыбка пока не голливудская, но те же два потерянных слева и справа зуба можно увидеть, только когда специально показываю, так-то дефекта не видно. Но ведь что-то во мне явно пугало добропорядочных киевлян.

Следующей жертвой стал седой высокий мужчина в потрепанном плаще из 90-х годов, красивый и уверенный, а-ля Аллен Делон. Он оказался разговорчивей и откровенней:

– Ты москаль, что ли? Здесь такие вопросы только ваши задают.

– Но как бы вы ответили на этот вопрос?

– Никак. Я тебе отвечу, а ты потом это покажешь по своему телевизору. И что будет потом? Я человек серьезный, у меня бизнес.

– А что будет потом?

– Да ты дурак совсем, москалик. Или блаженный. Или прикидываешься, я вот тебя не пойму...

До меня вдруг дошло, что он просто боится отвечать на камеру. И длинноногая девушка тоже боялась, но прятала свой страх за деланной агрессивностью.

Я опустил камеру и тут же услышал от своего седого респондента обстоятельный разбор ситуации на Украине.

– Война простым людям не нужна, конечно. Война нужна только политикам.

– Так ведь вы же этих политиков и выбрали?

– Кто это «мы»? Я их не выбирал.

– Вы не ходили на выборы?

– Нет, конечно. Какой смысл? Из кого там было выбирать-то?

– А за каких политиков вы бы стали голосовать?

– Они должны быть вроде вашего Путина. Чтоб снаружи жестко со всеми врагами разбирались, а внутри страны – чтоб не давали пикнуть всякой мрази. Так победим.

Я совершенно запутался и некоторое время тупо смотрел на него, а он на меня. Наконец я спросил:

– Как вы догадались, что я москаль?

– У тебя сзади парашют болтается, Штирлиц хренов, – захихикал он и тоже пошел от меня прочь.

Я снял камеру и начал складывать штатив, когда на меня вдруг из ближайшего переулочка целенаправленно вышли трое молодых парней в камуфляже.

– Будь здоров, громадянин. Вы с какого канала? – спросил один из них с позабытой мною уже интонацией уличного хулигана. В Питере, кстати, я на такой вопрос отвечаю просто: «С канала Грибоедова».

– Здравствуйте. Я от болгарского радио, «Авторевю» называется, – вежливо объяснил я.

– А будьте так ласковы, покажите нам свое удостоверение, – все с теми же блатными ужимками уличного гопника продолжил молодой человек, демонстративно почесывая жутковатый шрам на шее, видимо, чтоб я его увидел и испугался.

– А вы, собственно, кто такие? Полиция? – решил возмутиться я.

– Мы народная дружина. А вот ты что за фрукт? Что ты тут снимаешь, вопросы какие-то задаешь прохожим?

– А что, нельзя? У вас же вроде демократия, как у нас в Болгарии, можно всем гутарить...

– Гутарить?!

– Ну, балакать?

– Балакать?! Ты, наверное, хотел сказать – разговлять? По-украински так...

Я приуныл. Изображать болгарского украинца у меня явно не получалось. Гопник в камуфляже продолжил беседу, как бы незаметно отжимая меня своим худосочным корпусом к перекладине.

– Не знаю, что там у вас в Болгарии разговляют. Если ты, конечно, из Болгарии. Да вы там, в Болгарии, кстати, с москалями взасос целуетесь. А у нас тут с ними война. Показывай-ка свое удостоверение, или сдаем тебя в полицию.

Я пожал плечами, встав на месте покрепче:

– Я – журналист и полиции не боюсь.

Но удостоверение все-таки вытащил из-за пазухи и повесил снаружи на куртку.

Наглый юнец со шрамом взял мое удостоверение в руку, вытянув шнур бейджа на всю длину, так что мне начало чувствительно резать шею, и после минуты пристального разглядывания заявил:

– Херня какая-то. Я сам такое могу распечатать на цветном принтере. Пошли в полицию, а по пути поговорим. Расскажешь нам все за себя, карманы нам покажешь, телефон...

Меня вдруг завел этот хамский тон, от которого я уже отвык со времен горячих 90-х.

Я вырвал у него из рук свое удостоверение, поставил сумку с камерой на брусчатку, положил рядом штатив в чехле и резко толкнул гопника в плечи освободившимися руками:

– Попробуй, сучонок, отведи меня куда-нибудь...

Юноша явно не ожидал отпора и от неожиданности сделал шаг назад. На него с чутким вниманием смотрели два его подельника, готовые, как водится, и бежать, если тот побежит, и нападать, если он нападет.

– Ты что, москаль, не подчиняешься требованиям народного дружинника?

– Не-а, – ответил я ему, широко улыбаясь.

Я не стал ждать атаки, а первым ударил слева своим коронным свингом. Дружинник мешком осел на асфальт, запрокинув побледневшее лицо к серому февральскому небу. Его товарищи с преувеличенной заботой принялись хлопотать возле него, не поднимая на меня глаз. Я поднял сумку и штатив и быстро пошел в сторону площади Независимости.

Пересидеть досадное происшествие я решил в очередной «Пузатой хате», что попала мне на пути. Дешевая столовая была полна народу, туда на обед, похоже, явился офисный люд со всей округи, столики были заняты все до одного. Я подсел за столик с немолодой крашеной блондинкой, предварительно вежливо, хотя, может, и многословно, спросив разрешения.

– Конечно, садитесь, – отозвалась она весело. – Заодно расскажете мне, как дела в Москве.

Я шумно вздохнул и сел за столик, осторожно устраивая там свой поднос. Потом все-таки спросил:

– Как вы все тут узнаете, что я москаль?

Она захихикала, вполне доброжелательно глядя на меня:

– У вас очень правильная русская речь. Правильные интонации, ударения. Ну и акцент, конечно, его ни с чем не спутаешь. У нас последние годы так не говорят. Происходит смешение и упрощение языка. В Киев приехало много жителей окраин, они сейчас доминируют не только в политике, но и в бытовом общении. Эти люди говорят на маргинальном языке. Этим людям на этом языке называют гопниками.

– Вы – филолог? – догадался я.

– В прошлом – да, учитель русского языка. Сейчас бухгалтер. Олеся.

– Очень приятно, я – Игорь. Значит, дело в моей речи? Теперь-то мне все ясно, спасибо, – кивнул ей я и принялся за суп, тщательно следя, чтоб не звякала ложка, и ничего не хлюпало. Хотелось произвести хорошее впечатление на единственного доброжелательного человека, встретившегося мне за последние три дня.

– Так расскажите мне, Игорь, как там у вас, в Москве, сейчас дела? – все так же весело попросила Олеся, принимаясь за свой чай.

Я решил ей не врать, потому что здорово устал от вранья и актерства.

– Я из Петербурга. У нас там сейчас холоднее, чем у вас. А так в целом все похоже.

– Да ладно, похоже. У меня полно друзей и в Москве, и в Петербурге. И у вас нацики с факелами, я знаю точно, по городам пока не ходят.

Я отложил ложку и уставился на нее. Потом все-таки спросил:

– Смело вы выражаетесь. А вдруг я из СБУ и сдам вас в местное гестапо?

– Чушь. В Киеве надо бояться не СБУ, а вышиваты. Знаете, ходят такие, в шароварах или в камуфляже.

– Знаю, да. А вам-то они чем досадили?

– Мне лично пока ничем. Но они раздражают, понимаете? Самим фактом своего существования. А еще мне приходится переучивать всю свою бухгалтерию с русского языка на какой-то вздор. Вы бы видели эти термины. «Користувачі фінансової звітності», прости господи.

Она допила чай, встала:

– Ешьте уже свой суп, я же вижу, что мешаю вам его есть с удовольствием. Еще увидимся, наверное, я здесь всегда обедаю. Удачи.

Она ушла, и я начал есть свой суп с удовольствием.

Пообедав, я глянул в Сети анонсы, и выяснилось, что через полчаса у Оболонского суда пройдет акция, на которой схлестнутся борцы за равноправие и неонацисты из «Правого сектора». Радикалы в ходе так называемого «Марша равноправия», прошедшего минувшим летом в Киеве, жестоко избили два десятка милиционеров и несконечное количество представителей сексуальных меньшинств, но были, как ни странно, задержаны, и теперь их всерьез собрались за это судить. Такую удачу упускать было нельзя, и я понесся на метро, потому что тратить деньги на такси мне внезапно стало жалко. Настиг приступ скупости, со мной это бывает периодически.

Оболонский районный суд города Киева разместился рядом с типовым советским жилым домом, хрущевской пятиэтажкой, отделанной такой знакомой плиткой, что я даже подошел вплотную к стене и потрогал ее руками, вспоминая ощущения детства. Двадцать лет я прожил в таком доме, пока не переехал в другой, такой же типовой, но иного проекта. Да здравствует Советский Союз, который будет жить вечно на одной шестой части мировой суши, аминь.

А вот к роскошному пятиэтажному зданию суда мне подойти не удалось, как не удалось это и десятку активистов «Правого сектора», выстроившихся клином перед цепочкой полицейских. Все правосеки были одеты в камуфляж или черные крутки с нацистскими эмблемами, и я насторожился, ожидая увидеть знакомые морды с Крещатика. Но юных гопников я не увидел – все здесь были взрослыми мужчинами за сорок, поэтому разговаривали обстоятельно и даже вежливо.

– Вот я хочу пройти в суд. Я же имею право? Суд у нас европейский, публичный, верно? Почему же вы меня туда не пускаете, а, пан полицейский, какова этому причина?

Пан полицейский вежливо улыбался и отвечал не менее обстоятельно:

– Вы, уважаемый громадянин, будете там, в суде, вести себя непотребно. А мы тут обеспечиваем порядок, нам беспорядка в суде не надо.

– Громадяне, что же это делается, – картинно вскидывал руки к небесам чубатый активист. – Гомосекам можно в суд, а честным гражданам нельзя! Где справедливость?!

– Да ведь вы же их бить будете, проходили мы с вами уже все это, – устало отвечал ему полицейский.

– Будем бить, да, – легко соглашался чубатый нацик. – Потому что не будет на святой украинской земле места москалям, жидам да гомосекам! Вобьем всех в землю до ноздрей! Смерть врагам!

Я вскинул камеру на плечо и начал снимать эту сцену. Рядом со мной работала еще одна камера с логотипом DW, но когда нацик снова начал предметно прохаживаться по «жидам и гомосекам», я услышал за спиной резкий женский голос:

– Олексий, это не снимай. Давай перебивки нам собери.

Мой коллега тут же отвернул камеру, сосредоточившись на «перебивках» – деталях крупным планом, они всегда нужны для последующего монтажа.

Я доснял этот эпизод и повернулся посмотреть, кто там командует. Командовала оператором маленькая светловолосая девушка в сине-белой куртке с лого DW на всех возможных местах. Она перехватила мой взгляд:

– Привет. Я тебя не видела раньше. На кого ты работаешь?

Я решил говорить резко и отрывисто, чтобы мой акцент и слишком грамотная речь больше меня не выдавали.

– Привет. На болгарское радио. «Авторевю» называется.

– Ага. А я Дина. Работаю на Deutsche Welle. Приехала из Германии.

Я кивнул ей и пробормотал:

– Я Игорьь.

– Ты в Киеве живешь?

Изображать болгарина я не решился.

– Да, в Киеве. А где ты выучила русский?

– Родители русские, уехали двадцать лет назад туда, – пожала узенькими плечами она. – А где ты подцепил болгарскую халтуру?

– В Сети меня сами нашли, предложили поработать, – аккуратно сформулировал я свою легенду.

– Сколько платят? – деловито вмешался в разговор оператор Дины.

– Сто баксов за готовый репортаж, – сообщил я, мысленно удвоив ставки родной конторы.

– А текст ты тоже пишешь? – уточнила Дина.

– Нет, я им отдаю только видео. Дальше они сами сочиняют, – подстраховался я на случай претензий по содержанию.

– Ну, тогда нормальный расклад. Мне вот меньше полтинника за съемочный день обламывается, да еще в гривнах, – пожаловался оператор.

– Леша, а ты на бюджетных киевских каналах не хочешь поработать за пять евро в день?! – вдруг рявкнула на него Дина.

Олексий вздрогнул и быстро пошел менять точку съемки.

Клин «правосеков» пришел вдруг в движение и попер на полицейских. Я поднял камеру и начал работать. Полицейские оборонялись очень деликатно, даже не пытались использовать дубинки, висевшие у них на поясе.

С обеих сторон доносились примирительные крики: «Да вы шо, хлопцы, спокойно!», «Тихонько-тихонько», «Не дозволено дальше!».

Возня продлилась минут десять и закончилась ничем. Я разочарованно опустил камеру, оглядываясь по сторонам. Дина ткнула меня в плечо:

– Вон там стоит Маша, у ограды, с плакатиком. Она лесбиянка, активистка, красавица. Возьми у нее интервью. Она тебе все четко расскажет, кто тут и зачем, отличный спикер для любого уличного сюжета. Мы всегда ее работаем, безотказная девушка.

Я благодарно кивнул и в самом деле пошел к активистке Маше с заранее включенной камерой.

Маша нервно курила, стоя возле помпезной ограды здания суда. Когда она поняла, что я направляюсь к ней, заметно вздрогнула и затаилась сигаретой, прикрывая лицо.

– Болгарское радио, – успокоил ее я.

Она, действительно, успокоилась, поправила челку, выбившуюся из-под вязаной шапки, и робко улыбнулась:

– Ничего, что я в кадре курю?

– Не проблема.

Я дал ей затаиться еще пару раз, затем спросил:

– Что вы ожидаете от суда? Какого наказания для виновников?

– Наказание определит суд, – ответила она осторожно.

– Так у вас на плакатах написано, что дело не передано в суд.

Она шелчком отбросила сигарету в сторону.

– Да, пять дел было возбуждено по нападению на участников марша. И они до сих пор не переданы в суд.

– Так, может, они прекращены?

– Мы надеемся, что нет.

Она отвечала скудно и предсказуемо, поэтому быстро мне надоела. Перед тем, как отойти, я спросил:

– Вы ведь боитесь «правосеков», верно? Даже сейчас, когда рядом стоит милиция³?

– Боюсь. Они нападают на беззащитных и слабых. Нападают на всех, кто защищает права человека. И милиция тут не поможет, милиционеры сами нациков боятся.

Я опустил камеру, и девушку тут же прорвало:

– Господи, вы бы знали, какие они все мрази. Они били меня несколько раз, по лицу, в живот били, ребятам нашим ломали ноги, представляете? Возле дома отлавливали и ломали им ноги железными прутьями, отрывали уши, если видели тоннели там, сожгли наш микроавтобус...

Она стала рассказывать подробности, и я послушал их минут пять, ужасаясь, конечно, но также дожидаясь и паузы в ее внезапной яростной обвинительной речи. Когда она, наконец, умолкла, я спросил:

– А вот в Одессе «правосеки» людей сожгли. Тоже нарушили права людей вроде как. Тех, кто выступал против украинского национализма. Вы русскоязычных антифашистов тоже защищаете, или только за своих вступаетесь?

Она отшатнулась от меня, как от прокаженного, помолчала с минуту, выживая сигарету из кармана куртки. Я тоже молчал, но не уходил. Тогда она ответила:

---

³ Так «полиция» или «милиция», чего у них там?

– Это грязная политика, мы в это не лезем. Не надо мне задавать провокационные вопросы.

Я кивнул ей на прощание и пошел прочь.

Глава четвертая

0 Видео • 18:00 15 Февраля 2016 / Обновлено: 18:04 15 Февраля 2016

0

0

Кличко: У нас денег нет, ничего нет, это банкротство

-4 121 0 Оставить комментарий

На следующий день я первым делом залез на сайт DW, поглазеть, что за сюжет получился у Дины с Олексием. Ведь, помимо поганых москалей, которых никому в мире уже не жалко по определению, неонацисты призывали вбить в землю до ноздрей жидов и гомосеков, а вот за это в толерантной Европе полагалось а-та-та.

Но никакого а-та-та в Европе не случилось – все эпизоды, где украинский неонацист Алексей Бык со товарищи упоминал евреев и гомосексуалистов, в этом репортаже были тщательно вырезаны.

В результате постороннему зрителю оказалось невозможно понять, в чем вообще состоял конфликт, случившийся перед входом в Оболонский суд между нациками и полицией. Об этом вопрошали многочисленные комментарии немцев под репортажем из Киева, а им содержательно отвечали более информированные и потому крайне злые представители киевского ЛГБТ-сообщества.

Впрочем, администрация немецкого телеканала через пару часов нашла самое простое и очевидное решение проблемы – она просто удалила сюжет со своего сайта. Во всяком случае, когда я зашел туда после завтрака, по сохраненной ссылке появлялась невинная история об открытии в Киеве памятной доски какому-то очередному европейскому философу. В этом сюжете особо подчеркивалось, как быстро движется к Европе украинская нация, как активно вдохновляется Украина европейскими ценностями, а в финале давалась краткая справка о том, почему во всех проблемах Украины виновата Россия.

Я захлопнул крышку ноутбука и некоторое время тупо смотрел в облупившуюся побелку потолка своей комнаты. Там, в белесых следах известки, я искал ответа на извечный вопрос русского интеллигента.

Впрочем, кто виноват, и что мне теперь следовало делать, я уже знал. Ведь с утра я получил очередное строгое напутствие от директора агентства:

– Сделай, наконец, нам хитовый репортаж. Пока тебя читают хреново. А нам нужен трафик, расширение аудитории. Нам нужно, чтобы на тебя бежал читатель вприпрыжку. Ищи необычные повороты, давай нам эксклюзив, чтоб читатель ждал тебя каждый день и визжал от возмущения, если тебя не будет.

Я, конечно, пообещал исправиться, но что тут можно было снять такого, чтобы наш читатель побежал вприпрыжку или даже завизжал, мне было неясно.

В анонсах на сегодня тоже не нашлось ничего интересного – сплошные пресс-конференции в информагентствах, куда нужно было заранее аккредитовываться. Мне эта процедура

казалась слишком опасной, и я пока не придумал, как ее обезопасить. Сайта у моей болгарской радиостанции, конечно, пока еще нет, но телефоны-то в Европе еще работают.

В итоге я решил просто прогуляться по центру с камерой в руках. Штатив оставил в хостеле, взяв с собой лишь небольшой пакетик для камеры, куда и уложил ее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

После часа блужданий по центру города я услышал неподалеку гул толпы и гавканье мегафона. Двигаясь на звук по широкому проспекту, я вышел к большому сталинскому зданию, возле которого на широком тротуаре стояла толпа примерно в сотню человек. Выглядели эти люди неважно – одетые в старые китайские пуховики, вязаные шапочки еще советских времен, какие-то совсем убитые ботинки, стоптанные даже снаружи. Многие держали плакаты на русском языке, и между собой они общались тоже, разумеется, по-русски, но вот лозунги в сторону фасада административного здания скандировали строго на украинском.

Я подошел поближе ко входу и прочитал надпись: «Киевська миська рада». С другой стороны входа виднелась табличка, извещавшая, что здесь также размещается Киевская городская государственная администрация. Я узнал это место – совсем недавно здесь отплясывали подростки на вечернем «Патриотическом дансинге».

Городской парламент и исполнительная власть уживаются в одном здании – это какое-то чудо мироздания, такого симбиоза я не видел ни в одной стране мира.

Я вытащил камеру из пакета и начал снимать акцию протеста. Впрочем, акция была на удивление вялой, плакаты ничего не объясняли: «Ждем мы от Кличко ответ, а его все нет и нет», «Кличко, не буди лихо, пока оно тихо!», «Власти скрывают!».

Перед входом в администрацию стояла группа скучающих полицейских в темных куртках с капюшонами. Увидев мою камеру, они все дружно накинута капюшоны на головы и повернулись спиной. Впрочем, я успел снять несколько крупных планов полицейских, так что зачем они от меня так демонстративно прятались, я не понял. Возможно, это просто рефлекс, приобретенные силовиками после Майдана, когда некоторое время революционные граждане ходили к полицейским по домам и избивали их там вместе с домочадцами за поддержку кровавого москальского режима Януковича. Сейчас вроде ситуация успокоилась, но наука в сочетании с живительными оплеухами всегда запоминается надежнее, чем без них.

– О, пресса до нас снизошла, дивитесь, люди! – услышал я хриплый голос за спиной.

Позади меня стоял мужик с мегафоном в руках, видимо, лидер этих активистов.

– А что, пресса вас игнорирует? – поддержал его я, снимая с плеча. Он отменно смотрелся на фоне своей толпы – грустный, замерзший, унылый мужичок в драной кепке и с подклеенным синей изолентой мегафоном.

– Кличко дал приказ всем журналистам: нигде про нас ничего не рассказывать! – пожаловался он мне. – Никто не пришел, видите. Журналисты у нас прислуживают власти, не осталось в Киеве честной прессы.

– Ну что ж, вот вам честная пресса, давайте, рассказывайте, в чем у вас проблема, – обрадовался эксклюзиву я, вставая поудобнее перед ним и выстраивая кадр поудачнее.

– А вы что за пресса, откуда? Больно говор у вас подозрительный. Вы, простите, случайно не москаль? – выдохнул он мне в лицо застарелым перегаром, попутно сканируя меня и мою камеру красными тревожными глазками.

Я мысленно грязно выругался, но вслух выразился аккуратнее:

– Громадянин, твою мать! Ты хочешь, чтобы о ваших проблемах узнали в обществе или нет?! Чего ты боишься, если у тебя вроде и так все уже отняли, что могли?!

– Точно, москаль. Наши так не говорят, – уверенно подытожил он и повернулся к своим.

– Вот этому никаких интервью не давайте! – закричал он в мегафон, указывая на меня пальцем. – Это москаль, он проник к нам из Москвы, не верьте ему!

Толпа возмущенно загудела, а из группы полицейских ко мне смело шагнули сразу двое:

– Документы предъявите, гражданин, – сказали они мне по-русски.

Я опустил камеру и выудил из-за пазухи удостоверение болгарского радио. Мужик с мегафоном стоял рядом, вытягивая шею, чтобы лучше все видеть.

– А, так це ж болгарский журналист. Работайте спокойно, – с видимым облегчением и поэтому громко сообщил всем молоденький сержант, возвращая мне удостоверение.

– Ошибка вышла, громадяне! Можно с этим разговаривать, це болгарский журналист. Не москаль! – снова поднял мегафон мужичок.

Из злобной мстительности я не стал записывать с ним интервью, хоть он и ходил за мной потом по пятам, откровенно напрашиваясь.

Я нашел в толпе милую бабушку, которая так обрадовалась камере и моему вниманию, что стала рассказывать мне всю свою жизнь.

Я узнал, что у нее дочка и внучка живут в Ростове, а сама она «после заварухи» не рискнула уезжать из Киева, потому что ждала от застройщика оплаченную еще 2013 году квартиру. Акция обманутых дольщиков, вот что это было.

– Мне смешно слышать, как вас тут москалем обзывали. Они все запуганы, дурачки, не понимают, что не москаль для нас самый страшный враг. Самый страшный враг – это наше правительство, наша бандитская власть, – заявила женщина в камеру.

Я удивился этой смелости, но она спокойно и честно мне все объяснила:

– Я уеду отсюда к лету. Все уже ясно, не будет тут никогда ни порядка, ни спокойствия. И квартиры мне, конечно, не видать, я же не дура, все понимаю...

Потом за мной начал ходить какой-то жуткий зловонный бомж в солдатской шинели и кирзовых сапогах, но в вязаной шапочке вместо аутентичной ушанки.

– Позвольте, я дам вам интервью, пан журналист, – с застенчивой улыбкой предлагал он.

Сначала я брезгливо отмахивался, но потом мне стало интересно, и я спросил его, о чем он хочет рассказать.

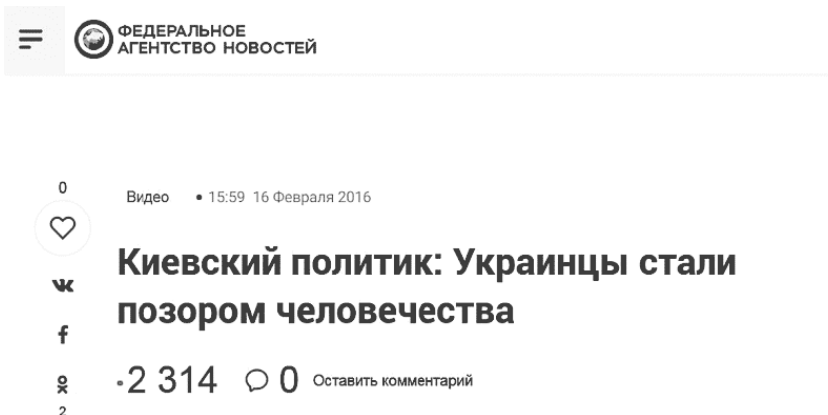
– Есть большая проблема в Киеве. Но про нее почти не говорят, власти скрывают, Порошенко лжет.

Заинтригованный, я все-таки поднял камеру на плечо и поставил его в кадре на фоне толпы, как раз начавшей скандировать что-то злобное в адрес властей.

– Я вижу только одну проблему в нашем городе, – сообщил мне этот фрик с абсолютно серьезным выражением на мятом лице. – Мировая популяция кенгуру насчитывает свыше тридцати миллионов особей, так? А в Киеве проживает всего три миллиона человек. Если кенгуру решатся, наконец, напасть на нас, каждому киевлянину придется драться с десятью кенгуру одновременно. Я не уверен, что мы сможем выиграть эту битву. Вы вообще видели, как дерутся кенгуру? Лучше бы вам этого не видеть, это страшное зрелище. Донесите нашу озабоченность по этому поводу до кого следует в Москве, пожалуйста. Пусть Путин пришлет к нам своих вежливых зеленых человечков, и они помогут нам победить этих сраных кенгуру. Иначе мы все погибнем, вы хоть это понимаете?

Я молча снял камеру с плеча и пошел обедать.

Глава пятая

Возле Верховной Рады на грязном заснеженном асфальте клубилась толпа, точнее, две четко различимых толпы: одна – с красными флагами и надписями «5.10», другая – с черно-желтыми флагами, а также украинской и нацистской символикой.

Толпу с красными флагами окормлял со сцены посредством огромных аудиоколонок местный Жириновский – миллионер Геннадий Балашов. Я сразу узнал его, хотя до сих пор только слышал про «украинского жириновского».

Он стоял на скамейке перед толпой соратников в роскошном длинном черном пальто и с видимым отвращением смотрел на запрокинутые к нему лица.

– Украинцы, учитесь работать! Вот подошли ко мне и спрашивают, что делать – денег нет, пенсии нет. Да, надо брать в руки котомку, чемодан с товаром и торговать, не стесняться. Корону снять с головы украинцу надо. Надо перестать орать, что мы тут пассионарная нация. Никто нас в мире не считает пассионариями. Нищетой нас считают. В Польше последние дают вам должности, потому что украинец ничего не может. Вот до чего нас довели. А нам кричат: «Слава Украине!». «Позор Украины» – вот во что мы превратились. Мы с вами позором стали всего человечества, потому что давно ничего не производим, кроме дерьма!...

Я побился поближе, пытаюсь увидеть и зафиксировать гневную реакцию толпы на обидные слова, но вокруг меня никто и не думал обижаться. Люди внимательно слушали и даже аплодировали в коротких паузах своему кумиру.

Впрочем, националисты, конечно, подобных речей не стерпели. Со стороны их митинга к Балашову вдруг направилась группа упитанных боевиков в черных куртках, послышались были звуки ударов, но быстро выяснилось, что миллиардер⁴ готов и к такой дискуссии. Из припаркованных рядом машин высыпали крепкие молодые люди в черных шапочках с надписью белым «5.10». Они рванули наперерез наикам, встретив их возле скамейки, и там, под одобрительные возгласы своего хозяина, принялись профессионально и жестко лупить неповоротливых чубатых неонацистов.

Я только поднял камеру на плечо, как почувствовал толчок в спину.

– Не надо это снимать, хлопчик. Не расстраивай меня.

Позади меня стоял очередной спортсмен в шапочке «5.10» и хмурил страшное, испещренное старыми шрамами лицо, пока я возвращал камеру на место.

Тогда он показал мне большой палец и, ловко ввинчиваясь в толпу, энергично устремился к месту сражения.

⁴ Так миллионер или миллиардер? Или опять инфляция виновата?

Впрочем, там уже все было кончено: националисты, хотя и продолжали выкрикивать что-то злобное и угрожающее, отступали к Мариинскому парку, утаскивая с собой раненных товарищей. Спортсмены их не преследовали, а спокойно стояли, ожидая команды, возле скамейки.

– Молодцы, ребята! Вот так мы будем побеждать всегда! Голосуйте за партию «5.10», будет порядок и закон, – подытожил итоги сражения Балашов, пружинисто спрыгнул со скамейки и в плотном окружении своих бойцов направился к черному лимузину.

– Работать надо, украинцы! Работать, а не митинговать! – донеслось до нас прощальное, прежде чем захлопнулись дверцы машины.

Толпа вокруг меня вдруг закружилась, пришла в движение и буквально понесла к ограждению здания парламента. Я решил было, что это на нас снова напали националисты, воспользовавшись отъездом отряда спортсменов, и мы убегаем от них, но все оказалось проще и циничнее.

– Подходим по одному, предъявляем паспорт.

Меня подтащило прямо к здоровенному мужику с большой папкой в руках. Он заглянул мне в лицо, потом в папку, потом снова мне в лицо и заорал:

– Паспорт же нужен, сказал ведь сто раз!

– Нету паспорта, – пробормотал я виновато.

– Да и черт с ним, – сказал другой тип рядом и четкими быстрыми движениями отсчитал мне из пачки двести гривен новенькими бумажками.

– Отходи, не задерживай, – заорали мне нетерпеливо в уши со всех сторон.

Действительно, в руках у меня оказались двести гривен, и до меня вдруг дошло, за что именно я их получил.

Толпа вокруг быстро рассасывалась, хотя отдельные ее представители никуда не спешили, а с блаженными улыбками распечатывали прямо здесь, перед парламентом, фунфырики с каким-то пахучим спиртосодержащим снадобьем и употребляли его вовнутрь.

– Эй, косорыловку будешь? И ты, это, деньги-то убери в карман, не свети так, – укорил меня строгий голос рядом.

Я обернулся. Рядом допивал жидкость из фунфырика очередной манифестант, пожилой и, судя по необычайно опухшей физиономии, совсем уже спившийся гражданин.

– А что, если не спрятать – вернутся и отнимут, что ли?

– Кто, эти? Нет, эти не отнимут. Есть тут, кому отнять, – вздохнул мой собеседник. Он наклонился ко мне и прошептал:

– Демон тут ходит. Небольшой такой, но ловкий, как черт.

– Охмуряет? – брякнул я наобум в некотором замешательстве.

– Да нет, что он, баба, что ли. Не охмуряет, нет. Черт – он отнимает! Как темнеет, он тут как тут. Держишь в руках деньги – все, считай, нет их у тебя. Подчистую все уносит, сатана.

Его, как типичного алкоголика, быстро повело даже от такой малой дозы, что была в пузырьке, и он устало сел прямо на грязный асфальт, грозя неведомому черту грязным пальцем.

– Врешь, не возьмешь!

Повалил мокрый снег, и я вдруг осознал, как замерз.

Пока я шел по площади, до меня доносилось заунывное: «Суровые годы уходят борьбы за свободу страны, за ними другие приходят, они будут тоже трудны...».

То ли они сами себя пародируют, то ли поэт гениально попал в точку, и слова воистину стали народными?

Я шел по улице Грушевского, расталкивая каких-то невнятных назойливых прохожих, почему-то застревающих у меня на пути, пока до меня не дошло, что я иду посреди целой толпы попрошак.

– Поддай на оборону Родины, пан!

– Ветерану АТО (антитеррористической операции. – *Авт.*) подайте!

– Купите стричку, всего 10 гривен, дети вязали, деньги пойдут на оборону от москалей!...

Я с трудом прорвался сквозь эту шумную пахучую толпу и присел за столик под навесом от какого-то фастфуда, чтобы переждать там внезапную напасть.

Попрошайки, похоже, мигрировали поближе к самодеятельному мемориалу Небесной сотне на Институтскую улицу.

– ...непростым является вопрос о том, какие факторы служат толчком к началу миграции этих животных. Период кормления для них в Мариинском парке ограничивается обычно фотопериодом, соотношением светлого и темного периодов суток. С наступлением сумерек кормовая база сокращается, редкий прохожий рискнет зайти в парк вечером. Тогда происходит перемещение популяции туда, где кормовая база остается неизменной или даже растет...

Я обернулся. Позади меня сидел благообразного вида маленький сухонький старичок и блаженно улыбался, глядя на проходящих мимо «ветеранов АТО».

– Добрый день. Вы мне это все рассказываете, или кому?

По повадкам, это был городской сумасшедший. Меня, казалось, он не слышал и, похоже, даже не видел. И рассказывал не видимой мне аудитории:

– ... во время миграционного периода у животных происходят изменения в физиологии и в поведении. Животные, которым обычно свойственно территориальное поведение, заметно снижают свою агрессивность. Это делает возможным их объединение в стада и стаи. Иногда у мигрирующих животных образуются смешанные стаи, в которые входят не только разные виды одного отряда, но и представители разных классов животных. Вы можете видеть смешанную стаю «бездомных жителей Донбасса» и «ветеранов АТО», но встречаются и более экзотичные перемешивания, например, волонтеры ЛГБТ и цыганский табор...

Я достал из сумки ноутбук и начал набрасывать репортаж про митинги у Рады для родной редакции. Увидев, что я угнезвился основательно, ко мне вышел официант. Пока он принимал заказ, я показал ему глазами на старичка.

– Это у вас местная достопримечательность?

– Да он тихий, бормочет, не мешает особо. Или вам мешает?

– Нет-нет, все нормально.

– Это, между прочим, известный наш киевский ученый, профессор зоологии Степан Гопала из института Шмальгаузена. Его там, в институте, подсадили нехорошо, выперли, в общем, этой осенью, и он теперь свои лекции всем на улицах рассказывает.

– Вы студент? – догадался я.

– Аспирант. Из этого же института. А Степан Семенович у нас вел семинары эволюционной морфологии позвоночных и зоогеографии, – подробно ответил официант.

Он ушел готовить мне заказ, а я минут пять покопался в Сети, отыскивая информацию о профессоре. Оказалось, действительно, подсадили несчастного зоолога, спихнув с довольно хлебной должности заведующего кафедрой. И сделали это украинские националисты, хлынувшие в столицу из провинции после переворота 2014 года и устроившие там так называемые люстрации – расправы по политическим или этническим поводам.

И ведь как цинично выперли – обязали бедолагу сдавать ежегодную переаттестацию не на русском и даже не на английском, а на украинском языке. Это притом, что никто и никогда не переводил на украинский язык термины эволюционной морфологии, больше того, этих переводов не существует в принципе, потому что украинский язык – это сравнительно новый диалект.

Я обернулся к профессору в наивной надежде завязать разговор:

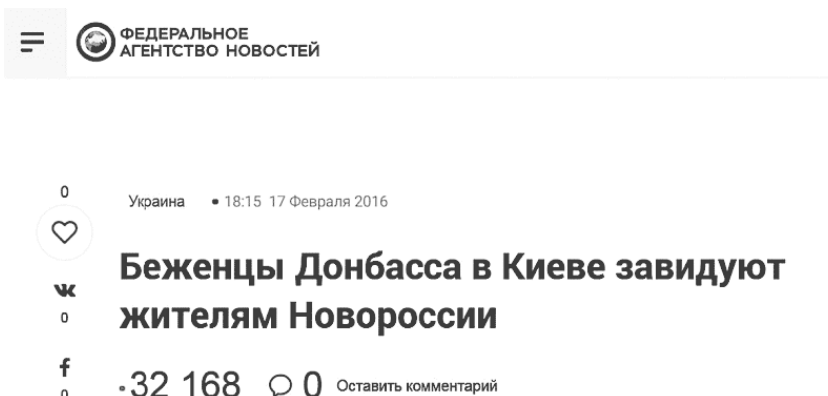
– Скажите, профессор, есть ли будущее у украинской науки? Как будет на украинском языке dinosaurum?

Он по-прежнему меня не слышал – сидел, подперев ладонью белое анемичное лицо, и строго хмурился, глядя на прохожих, видимо, усматривая в их передвижениях нарушения каких-то фундаментальных зоологических законов. Потом он встал, по-прежнему не обращая на меня внимания, и ушел, слегка прихрамывая, куда-то в сторону Верховной Рады.

Девушки- – редакторы, дежурившие на выпуске вечером, дважды возвращали мне этот репортаж с пометкой: «Вообще ни хрена не понятно, Игорь! Перепиши уже человеческим языком, про что там у тебя».

И только к ночи, после очередной правки, я получил, наконец, радостное известие: «Ладно, мы поняли, что понятнее уже не будет, ставим как есть. Береги психику, ты нам нужен здоровым».

Глава шестая

Утро началось неожиданно: в комнату постучали. Я подлетел на кровати, быстро натянул джинсы, рубашку. Мелькнуло, что нужно сбросить на заводские настройки смартфон, но потом решил, что успею – дверь в мою комнату, как ни странно, была крепкая, из цельного дерева, и сломать ее было бы не просто, две-три минуты свободы она бы мне дала точно.

Стук повторился, стал более настойчивым.

– Кто там?

– Да это же я, Алена Григорьевна. Слышала, как вы ночью кашляли. Так я принесла вам горячих сливок с гренками.

Я открыл дверь, внутренне все еще ожидая увидеть за широкой спиной Алены Григорьевны силуэты в камуфляже или, хуже того, в штатском. Но за ее спиной не было видно ничего, кроме облупившейся зеленой краски на неровной стене в тесном коридоре.

Алена Григорьевна стояла передо мной по стойке смирно, наряженная в свежевывстиранную вышиванку, под которой виднелись широкие белые брюки. Типажу Оксаны из повести великого русского писателя Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» она вполне соответствовала. В качестве черевичек, правда, выступали китайские кроссовки, но образ в целом это совсем не портило.

В руках Алена держала поднос с двумя мисками – в одной парили горячие сливки, в другой виднелись наваленные горкой поджаристые аппетитные гренки.

– Откушайте, Игорь! Здоровья вам!

Она с поклоном протянула мне поднос, и я на автомате взял его, слегка обалдев от театральности этой сцены.

– Больше не беспокою, – сказала она, сделав потом отчетливую видимую паузу, в ожидании, что я, все же, предложу ей остаться.

– Спасибо, Алена Григорьевна!

– Ой, да можно просто Алена! Какие наши годы, – сказала она, кокетливо склонив голову набок, и я обмер от ужаса, всерьез предположив, что это она ко мне таким образом клеится.

Я сделал два шага назад, поставил на стол поднос и встал рядом по стойке смирно, вопросительно глядя на нее. Она всплеснула ручками:

– Вы так похожи на моего покойного мужа, полковника ВВС! Он тоже всегда демонстрировал военную выправку, даже в быту. Сейчас почти не осталось таких людей, даже среди действующих военных. Все какие-то сутулые, тощие задохлики. Ушла порода, – подытожила она горько.

Мне опять пришла в голову пошлая мысль, но Алена вдруг поскущела лицом и сказала, грустно глядя мне прямо в глаза:

– Больше не беспокою, кушайте, – и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Сливки оказались божественны, гренки тоже. Я выпил и съел все без остатка, после чего сел за компьютер читать анонсы.

Самым многообещающим выглядело мероприятие с участием беженцев Донбасса – бежавших от гражданской войны жителей Донецкой и Луганской областей. Около миллиона из них подались в Россию, а еще примерно столько же – в соседние области Украины и в Киев.

Ни в России, ни на Украине беженцам не оказывали, по их мнению, должного внимания и заботы, поэтому они довольно часто выступали с публичными акциями. Впрочем, насколько известно, главной заботой беженцев в России было получить российское гражданство. Эта процедура невероятно формализована и растянута во времени. А вот чего хотели беженцы на Украине, мне еще предстояло узнать.

Суд по анонсу, акция была назначена возле здания Верховной Рады на два часа дня, но сидеть в хостеле до обеда я не хотел – Гоголь его знает, что еще взбредет в голову Алене Григорьевне.

Поэтому я умылся сам, затем тщательно вымыл обе миски и поднос, выставил их на стол на салфетке, после чего быстро собрался и прошмыгнул по коридору на улицу не замеченным. Там светило солнце и в целом, наконец, потеплело, так что я с большим удовольствием прогуливался по Крещатику, разглядывая прохожих, когда вдруг, не доходя пары сотен метров до Рады, увидел тощего высокого юношу с красным флагом в руках.

Он стоял на крыльце магазина и с каким-то жутким, тоскливым надрывом читал стихи Маяковского, заметно сутулясь и вжимая голову в плечи, если кто-то из прохожих поворачивался к нему.

– Есть ли страна, где рабочих нет,
где нет труда и капитала?!
Рабочее сердце в каждой стране
большевистская правда наплатала...

Я достал камеру из пакета и начал съемку, попутно опрашивая его. На вопрос, кто ты такой, он, резко выпрямившись во весь рост, ответил: «Я – коммунист». На лице у него были видны свежие и старые ссадины, и вообще он выглядел как человек, которого регулярно бьют – не насмерть, а так, чтоб не отсвечивал.

Вот и сейчас на шум из магазина вышли два упитанных охранника в камуфляже.

– Ты опять сюда пришел? Иди к Раде, там таких придурков полно!

– У Рады нацики, они сказали, что убьют, если еще раз приду.

– А здесь мы тебя грохнем. Иди-иди отсюда, не мешай покупателям.

Охранники аккуратно, можно сказать, нежными пинками столкнули молодого человека с крыльца и остались там покурить.

Я, с камерой на плече, их тоже заинтересовал. Меня они громогласно осудили за съемку.

– Вы же видите, человек не в себе, он дурачок. А вы снимаете. Все вам, журналистам, жареное подавай. Человека лечить надо, а не кино снимать!

Услышав это, юноша снова дерзко выпрямился во весь рост, поднял красное знамя повыше и принялся буквально выплевывать стихи Маяковского в ненавистные ему лица охранников:

– Не страшны никакие узы.
Эту правду не задуть, как солнце никогда

ни один не задует толстопузый!...

– Хлопец, не снимай это, будь ласков, – взмолились, глядя на меня, охранники с крыльца. – Увидит начальство где-нибудь, уволят же нас на фиг. Или ты хочешь, чтобы мы его тут прибили? Мы прибьем, нам нетрудно.

Я опустил камеру.

– Как тебя зовут?, – спросил я юношу, когда он сделал паузу в своем речитативе.

– Андрей.

– А где твои товарищи? Где другие коммунисты, Андрей?

Он опустил знамя, оперся деревком на асфальт и с тяжелым вздохом ответил с интонациями Мальчиша-Кибальчиша:

– Не осталось больше у меня товарищей. Кого забили после переворота, кто сам уехал. Говорят, осталось в Киеве подполье небольшое, но меня туда не допускают. Боятся, что хвост приведу.

– Тебя, наверное, нацики часто бьют?

– Бывает, да, – признал он неохотно.

– Так ведь забьют же однажды насмерть, – предположил я.

Он снова вздохнул, но, на удивление четко проговаривая слова, ответил:

– Всех не запугаешь! Всех не забьешь! Рабочий класс победит!

– Так ведь ты сам видишь: всех коммунистов здесь, в Киеве, уже запугали и забили, – указал ему я на очевидный факт.

– Значит, я тоже погибну. Коммунистам не привыкать отдавать жизнь за свои идеалы...

С таким персонажем, как этот правоверный коммунист, я столкнулся впервые в жизни. То есть я, конечно, встречал идейных граждан, но вот чтоб два года с момента нацистского переворота публично высказывать то, что здесь, в Киеве, боятся проговорить шепотом на кухне, – такого я еще не видывал.

Такой отваги я не видел ни в одной из своих командировок по миру, включая Китай, Сомали или Венесуэлу. Это можно было бы сравнить, например, с выходом коммуниста с красным флагом к зданию рейхстага в Берлине в 1940 году. Тамошние гестаповцы, конечно, немного удивились бы, но дальше бы действовали без задержки по отработанной схеме – подвал, допрос, тюрьма, расстрел или лагерь смерти. В современном Киеве эта схема не сильно отличалась, но вот же чудо – коммунист Андрей стоял передо мной вполне себе живой, разве что слегка отбитый.

– Пойдем куда-нибудь в кафе, поболтаем? – предложил ему я. Он замешкался, и я догадался, почему.

– Не волнуйся, я угощаю.

– Мне не нужны подачки, – высокомерно ответил он, но слюну сглотнул.

– Это будет платой за интервью, обычное дело, не переживай, – успокоил его я.

Он недолго раздумывал. По пути я уговорил его свернуть красный флаг и засунуть его в мой чехол со штативом.

Мы прошли метров триста в поисках подходящего заведения, пока он сам не подсказал мне место:

– Вот там хорошая столовая, дешевле, чем везде, и вкусно кормят.

Заведение оказалось без названия, но действительно популярное – нам пришлось отстоять очередь к стойке с подносами и едой, а потом очередь к кассе. Но результат был выше всяких похвал.

Первые минут десять мы оба молча и жадно ели – я никогда в жизни не пробовал такого наваристого аппетитного харчо и таких сочных пирожков с жареными потрошками, а когда перешел к фаршированным кабачкам, просто погрузился в гастрономическую нирвану. Причем, стоило мне это все меньше пяти долларов за нас обоих.

– Я, пожалуй, теперь только сюда буду обедать приходить, – начал я разговор, заметив, что Андрей доел второе блюдо.

Он кивнул, аккуратно обмакнув салфеткой тонкие губы.

– Сюда многие наши ходили. Хозяин был сочувствующий. Но после заварухи нас попросили сюда не ходить. По одному еще можно, а чтоб собрания пролетариата проводить – уже нельзя.

Я оглядел зал. В глубине дверей, ведущих в кухню, показалось бледное округлое лицо с тревожными мелкими глазками, буравящими наш столик.

– Да, это он. Смотрит, волнуется, – не поднимая головы, сказал Андрей. – Но все в порядке, мы же не проводим собрание, мы просто поесть пришли.

– Может, тебе уехать отсюда стоит? Ты молодой, здоровый, в любой стране нормально устроишься, – предложил я.

– Уехать – значит сдать, – начал заводиться он, поднимая голову. – Нацики захватили власть в Германии, когда все уехали.

– Так ведь отсюда, с Украины, тоже все уехали уже – три миллиона эмигрантов за два года. С кем ты остался, никого нет уже из твоих товарищей, сам же видишь, – удивился я.

– А, может, и уеду, – признал он вдруг, опустив голову. – Просто я и тут никому не нужен, а за границей – тем более. Вот приеду я к вам в Россию, и что? Будто если я у вас в России начну за коммунизм агитировать, я что, не огребу? Огребу, еще как, видел в новостях, как у вас коммунистов метелят полицаи на демонстрациях.

Я пропустил мимо ушей очередное разоблачение себя как москаля, но за свободу слова в России вступился:

– У нас, как минимум, три легальных коммунистических партии действуют вообще-то. Одна, кстати, в парламенте представлена, из бюджета официально финансируется. Ходят себе на Первое мая толпами во всех городах, никто их не метелит, не придумывай. Метелят экстремистов всяких. А официальных коммунистов из КПРФ никто не обижает, не выдумывай.

– Да разве же это коммунисты, – горько отозвался он. – Это же типичные ревизионисты и соглашатели, капиталистические подпевалы и оппортунисты. Хуже того, они антисемиты и религиозные фанатики. Где там у них коммунизм, в каком месте?

– Тебе не угодить. Но, в любом случае, нацикам в России такой воли не дают, как здесь. Националистов в России не видно и не слышно сейчас.

– Насчет этого – согласен, нациков у вас прижали. Но ведь Путин не вечен. Что будет, когда он уйдет? У вас тогда начнется такая же херня, как и здесь.

– Не начнется. Нам уезжать из страны уже некуда, так что порядок наведем по месту жительства.

– Мы вот тоже думали, что наведем порядок сами. А когда нацики начали наших людей по одному вылавливать и убивать, как-то не нашлось адекватного ответа.

Он помолчал, а потом произнес с какой-то темной, искрящейся злобой:

– Нам бы нужно было тоже их убивать, понимаешь? А мы все струсили. Надо было тоже убивать! Их же было сначала немного, ну, сто, ну, двести отморозков. Надо было их просто убивать, мразей, они бы быстро кончились!

– Да вам бы полиция не позволила. Здесь только нацикам можно, убивать.....

– Это верно, полицаи за них, – согласился он. – У нас в итоге к маю 2014 года, еще даже до того, как они сожгли людей в Одессе, была перебита вся верхушка. Ну, то есть, кого убили,

кого искалечили, кого запугали, а кто бежал. Мы вот в Киеве тогда остались без руководства вообще...

Он снова замолчал, внимательно рассматривая свои исцарапанные руки. Я не торопил его. Больше всего мне хотелось достать сейчас камеру и снять для наших избалованных зрителей эти настоящие, живые эмоции, но было件нятно, что это невозможно.

– У вас же оставались какие-то авторитетные персонажи в руководстве компартии, – сказал я осторожно.

– Да, были, конечно, разные фигуры, но они на самом деле ничего не решали. Они только ныли в президиумах, что ай-ай-ай, «наступает фашизм», «мы все как один должны остановить его». Особенно красиво это получалось у них на международных конференциях. Знаешь, как это бывает где-нибудь в Германии, в тепле и безопасности. «Европа должна вспомнить, к чему приводит поддержка фашизма», и прочее бла-бла-бла. А Европе было насрать – у нее свои задачи, и среди них нет такой задачи, как борьба с фашизмом на Украине. Европе интереснее другое. Фашисты им безразличны, больше того, фашистов они прямо поддерживают, дают им деньги, оружие, все что угодно!

Он распалился, снова гордо поднял лохматую голову, привстал из-за стола, и на нас начали оглядываться с соседних столиков.

– Надо уходить, – быстро сказал я ему.

Он тут же встал, и мы пошли на выход. Но далеко не ушли – неподалеку от выхода нас нагнал коротенький толстенький мужик с острыми маленькими тревожными глазками на широком лоснящемся лице.

– Андрей, я же просил не устраивать здесь политических собраний, – прошипел он еле слышно, придержав Андрея под руку.

– Извини, Василий, случайно разошелся. Так-то мы просто поесть пришли, – откликнулся Андрей, примирительно подняв тонкие руки прозрачными ладонями вверх.

– Смотри, мне неприятности не нужны, ты знаешь, – с нажимом добавил хозяин, с подзрением разглядывая меня.

– Все было очень вкусно. Спасибо, товарищ, – сказал я ему совершенно искренне.

– «Товарищ», – передразнил он меня. – Не знаю я, какой ты мне теперь товарищ, если ты – москаль. Идите уже оба с богом, не отсвечивайте тут лишний раз.

Уже на улице, у дверей столовой, мы с Андреем попрощались. Я вернул ему флаг, он засунул его под мышку и быстро ушел, повернув в ближайший переулок.

Я не успел попросить его о контакте, но потом подумал, что, может, и правильно – часто такие безумные активисты являются агентами политической полиции. Он бы сдал меня в тот же день, а мне это надо? Чем меньше контактов, тем спокойнее спишь.

С другой стороны, интервью с реальным коммунистическим подпольем – это была бы очень крутая журналистская удача. Хотя, Андрей же сам признавал, что до подполья его не допускают – значит, не доверяют. И тому, видно, есть причины.

Я брел по улице, размышляя о превратностях коммунистической идеи в странах бывшего СССР. Поразительно, конечно, с какой быстрой готовностью бывшие коммунисты превратились в настоящих капиталистов, какими их раньше изображали на карикатурах или в советских художественных произведениях. Они стали беспринципными, жадными, наглыми. И как же быстро вместе с коммунизмом бывший СССР покинул интернационализм – особенно в азиатских республиках. И как странно, что национализм в самых гнусных его формах предпочли не заметить в цивилизованной Европе – ни откровенный апартеид русскоязычного населения в Латвии и Эстонии, ни военизированные отряды штурмовиков на Украине с их точным копированием нацисткой символики, слоганов и прочего ксенофобского антуража.

Неожиданно для себя я добрал до здания парламента, где уже началась акция переселенцев из замученного гражданской войной Донбасса. Несколько десятков человек стояли вдоль ограждений, держали в руках самодельные плакаты и как-то на редкость робко скандировали: «Украина – общий дом, почему я стал бомжом?». Особенно старался мальчишка лет десяти, да и остальные дети были намного активнее взрослых.

Когда я достал камеру, энтузиазм взрослых переселенцев совсем сошел на нет. Они внезапно замолкали, опускали глаза, отступали из шеренги в сторону, прикрывая лица, но не осмеливаясь делать мне замечания за съемку в упор.

Через минуту мне стала понятна причина этой робости – рядом с шеренгой переселенцев стояли несколько наци, штурмовиков в камуфляже. Они громко выговаривали этим людям на украинском языке, что им не следовало бежать из Донбасса, а надо было брать в руки оружие и убивать сепаратистов.

Рядом были припаркованы армейские грузовики, и солдаты оттуда внимательно наблюдали за акцией.

Я записал на видео короткий комментарий у молодой пары, бежавшей из Песков – поселка, в котором наступающие на Донецк подразделения армии Украины и батальоны националистов разместили тяжелую артиллерию. Именно оттуда артиллеристы Вооруженных сил Украины (ВСУ) из дальнебойных гаубиц обстреливали Донецк, лупя стокилограммовыми снарядами прямо по жилым кварталам миллионного города. Естественно, что «сепаратисты» попытались отбить поселок и выбить гаубичные батареи, размещенные в Песках.

Результатом этих боев стали разрушенные дома тысяч местных жителей.

Катя и Александр бежали из Песков сначала в Краматорск, потом в Харьков, потом в Киев. Им всюду прямо говорили, что государство не обязано им помогать.

На камеру Катя мне сказала все довольно аккуратно, а вот когда я камеру убрал, выговорила от души:

– Мы же с вами понимаем, кто начал эту войну. Это же регулярная армия Киева пришла к нам в Донецкую область, причем вместе с нациками явилась. То есть они пришли нас истреблять за то, что мы не кричим «слава нации, москаляку на гиляку» с утра до вечера. Они нам там все разрушили, а теперь говорят: мы тут ни при чем, это всё Россия. Это что – Россия нас расстреливала? Нет, мы все отлично видели – кто, куда, из чего и когда стрелял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.